

ЗОЛОТИНКА

ПЯТЬДЕСЯТ
ТЫСЯЧ
ДО СМЕРТИ

Мистический роман

18+

Певица Золотинка

Пятьдесят тысяч до смерти

«Автор»

2026

Золотинка П.

Пятьдесят тысяч до смерти / П. Золотинка — «Автор», 2026

Марина — успешная предпринимательница, привыкшая добиваться своего. Для неё деньги, обязательства и обещания всегда были важнее чужих обстоятельств. Однажды она одолжила соседке-пенсионерке пятьдесят тысяч рублей на операцию дочери. Но вернуть долг вовремя женщина не смогла. Просьбы об отсрочке обернулись унижениями, угрозами и жестоким конфликтом, за которым последовала семейная трагедия. Вскоре Марине вернули все деньги. И даже проценты — в загадочном чёрном конверте. После этого её жизнь превратилась в кошмар. Страшные сновидения, необъяснимая потеря веса, бесплодные обследования и отчаянные поиски спасения. Что скрывал чёрный конверт? И какую цену придётся заплатить за долг, который давно возвращён? «Пятьдесят тысяч до смерти» — мистический роман о жестокости, мести и расплате, от которой невозможно откупиться.

© Золотинка П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1 — ДОМ, КОТОРЫЙ ПРИШЛОСЬ ПРОДАТЬ	6
ГЛАВА 2 — ЦЕНА НЕЗАВИСИМОСТИ	8
ГЛАВА 3 — СОСЕДКА ЭТАЖОМ НИЖЕ	10
ГЛАВА 4 — ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ	12
ГЛАВА 5 — РАСПСКА	14
ГЛАВА 6 — КОЛЬЦО НА ЛАДОНИ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Певица Золотинка

Пятьдесят тысяч до смерти

ЗОЛОТИНКА

ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ДО СМЕРТИ

Мистический роман

ГЛАВА 1 — ДОМ, КОТОРЫЙ ПРИШЛОСЬ ПРОДАТЬ

Марина почти не помнила отца. В её детстве он не занимал даже того места, которое обычно оставляет после себя человек, однажды ушедший из семьи. Не было ни привычки ждать его по праздникам, ни обещаний, которыми можно утешаться годами. Она росла рядом с матерью и младшим братом, а потом обстоятельства изменились так резко, что на воспоминания о прежней жизни у неё долго не находилось ни времени, ни душевных сил.

Когда матери не стало, Марине было двенадцать лет, Игорю — всего два. Для мальчика эта потеря осталась скорее отсутствием человека, которого он почти не успел узнать. Марина же понимала, что произошло, и остро чувствовала перемену в доме. Бабушка взяла заботу о детях на себя. Деда к тому времени давно не было: он умер, когда внушке исполнилось три года. Все трое жили так, как позволяли скромные средства, и никто не мог обещать, что завтра станет легче.

Нехватка денег постепенно сделалась для Марины самым неприятным обстоятельством повседневной жизни. Она видела, как бабушка рассчитывает расходы, как откладывает покупку того, без чего хотелось бы обойтись лишь временно, как старается, чтобы дети не замечали её тревог. Но Марина замечала. Девочка рано усвоила, что даже простое желание порой приходится соотносить с тем, сколько осталось до следующего поступления денег.

Бабушка не жаловалась на судьбу и не делала из нужды семейной трагедии. От этого Марине становилось только обиднее. Ей казалось несправедливым, что человек, который каждый день трудится ради других, вынужден во всём себя ограничивать. И чем старше становилась внучка, тем крепче убеждалась: когда вырастет, у неё будет достаточно денег, чтобы не зависеть от чужого решения, случайной помощи и собственной беспомощности перед обстоятельствами.

Она не произносила это обещание при каждом удобном случае. Такие намерения редко нуждаются в свидетелях. Марина просто привыкла оценивать происходящее с практической стороны, не надеяться на подарки судьбы и не рассчитывать, что кто-нибудь придёт и уладит её проблемы. Позднее эта привычка поможет ей построить собственное дело. Но вместе с полезной самостоятельностью в её характере закреплялась и другая черта: чужую слабость она всё чаще воспринимала как недостаток усилий.

Игорь рос рядом с сестрой, и разница в десять лет делала их отношения особенными. Марина помнила мать, брат — почти нет. Она лучше него понимала, почему в доме нельзя позволить себе лишнего, и раньше начала принимать решения, касавшиеся их обоих. Его детские заботы нередко казались ей незначительными, хотя самого брата она любила безоговорочно. Даже став взрослой, Марина не перестала смотреть на него с той тревожной ответственностью, которую когда-то взяла на себя двенадцатилетней девочкой.

Смерть бабушки стала ещё одной границей между прошлым и будущим. Дом, где прошли их детские годы, остался без человека, ради которого прежний уклад сохранял смысл. Марина и Игорь решили его продать. Это решение не означало, что они хотели избавиться от памяти о бабушке. Просто теперь у каждого должна была начаться своя жизнь, а дом представлял собой единственное значительное имущество, которое можно было обратить в деньги.

На вырученные средства Марина решила открыть агентство недвижимости. Предстояло рискнуть тем, что досталось им после долгих лет семейной экономии. Она понимала это лучше многих. Но перспектива снова жить в постоянном ожидании зарплаты или помощи пугала её сильнее возможной неудачи. Марина хотела получить возможность самой распоряжаться будущим. И впервые за долгое время ей показалось, что для этого есть реальный шанс.

Тогда она ещё не знала, что финансовая независимость со временем станет для неё мерой не только собственного успеха, но и достоинства других людей. В семейной памяти деньги

означали спокойствие и защищённость; позже Марина начнёт приписывать им куда большее значение. Пока же впереди была работа, которой она собиралась отдать всё время и силы. Вступая в новую жизнь, она была уверена, что тяжёлое детство научило её главному: нельзя допускать, чтобы обстоятельства управляли человеком.

ГЛАВА 2 — ЦЕНА НЕЗАВИСИМОСТИ

Агентство недвижимости не сразу стало для Марины источником достатка. Любое собственное дело требовало внимания, выдержки и постоянных решений, за которые некому было отвечать вместо неё. Марина работала много и охотно. Она умела настаивать на своём, не любила неопределённости и считала, что хорошее отношение к человеку должно подтверждаться прежде всего соблюдением договорённостей.

Со временем предприятие начало приносить прибыль. Появилась возможность не оглядываться на каждую трату, покупать хорошие вещи, путешествовать и устраивать жизнь по собственному вкусу. Марина обзавелась машиной, привыкла одеваться в дорогих магазинах и уже не представляла, что обстоятельства могут вынудить её вновь считать деньги перед самой обычной покупкой. Внешние признаки благополучия приносили ей удовольствие, поскольку напоминали о пройденном пути.

Сама она считала свой успех заслуженным и никому не была намерена его уступать. Марина часто возвращалась мыслями к временам, когда им с братом приходилось во многом себе отказывать. Теперь у неё имелось то, чего не было прежде, и она ценила эту перемену. Постепенно убеждение, что каждый может добиться достатка при достаточном упорстве, стало для неё почти непреложным правилом. Оно помогало вести дела, но мешало замечать обстоятельства, которых нельзя преодолеть одним усилием воли.

Привычка всё решать самостоятельно не появилась у неё с первыми заработками. Ещё в бабушкином доме Марина усвоила, что денег редко хватает на все нужды одновременно, а обещанная помощь может запоздать. Став хозяйкой агентства, она перенесла этот детский опыт в деловые отношения. В расчётах ей нужны были точные сроки, в договорённостях — определённость. И всё же работа с квартирами и документами постепенно приучила её судить о людях прежде всего по тому, насколько они держат слово. Там, где другие замечали растерянность или бедственное положение, она всё чаще видела ненадёжность.

Характер Марины никогда не был лёгким. Она быстро раздражалась, когда встречала сопротивление, и не скрывала недовольства, если что-то шло не по её плану. Поклонники появлялись, однако отношения редко продолжались долго. Женщина привыкла задавать тон даже там, где требовалось не руководство, а готовность слушать другого. Мужчины не выдерживали её высокомерия и вспыльчивости; сама же Марина находила этому удобное объяснение: их, вероятно, привлекали её деньги.

К тридцати девяти годам семьи у неё не было. Иногда одиночество становилось заметным, особенно по вечерам, когда деловые разговоры заканчивались, а возвращаться приходилось в пустую квартиру. Но Марина не любила признавать, что чего-то лишена. У неё было агентство, были знакомые, деловые связи, поездки и привычный распорядок. Она убеждала себя, что этого достаточно, а необходимость считаться с чужими желаниями только усложнила бы жизнь.

Единственным человеком, к которому она относилась иначе, оставался Игорь. Когда брат женился, Марина выделила ему причитающуюся долю от продажи бабушкиного дома и добавила собственные деньги на покупку двухкомнатной квартиры. Она не считала это благотворительностью и не ждала благодарности. Ей хотелось, чтобы у Игоря была устроенная жизнь, и помощь брату казалась самой естественной формой участия в его судьбе.

Игорь не искал выгоды в сестринском достатке. Он любил Марину независимо от того, сколько она зарабатывала. Для неё это имело особую цену, хотя вслух она редко говорила о таких вещах. В отношениях с братом ей не приходилось доказывать свою значимость или опасаться, что кто-нибудь рассматривает её прежде всего как обладательницу денег. Игорь знал

ту Марину, которой ещё не принадлежало почти ничего, кроме упрямства и желания выбраться из бедности.

Два года назад Игорь погиб в автомобильной катастрофе. Случившееся стало для Марины ударом, к которому невозможно было подготовиться. Она привыкла справляться с трудностями делом, искать выход, находить нужных людей, принимать решения. Здесь ничто из этого не имело смысла. Ни деньги, ни настойчивость не могли вернуть человека, которого она любила с самого детства.

Почти год Марина приходила в себя. Работа продолжалась, но прежняя уверенность какое-то время держалась лишь на привычке не показывать посторонним свою растерянность. Она сохранила отношения с женой брата. Детей у Игоря и его супруги не было. Марина знала, что теперь их связывает не только общая память о нём, но и понимание утраты, которую каждая переживала по-своему.

После гибели Игоря женщина ещё сильнее замкнулась в привычном круге. Ей было трудно допустить кого-то настолько близко, чтобы снова оказаться беззащитной перед потерей. Она почти не общалась с соседями и не стремилась заводить доверительные отношения. Бизнес оставался понятной частью жизни: там существовали условия, обязательства, сроки и результаты. Марина всё охотнее переносила эту систему правил на людей, не замечая, что далеко не всякая человеческая беда поддаётся расчёту.

ГЛАВА 3 — СОСЕДКА ЭТАЖОМ НИЖЕ

В доме, где Марина купила себе двухкомнатную квартиру, её знали главным образом в лицо. Она редко задерживалась во дворе, не участвовала в соседских разговорах и почти никого не приглашала к себе. После рабочего дня женщине хотелось тишины и возможности распорядиться временем без посторонних просьб. Соседское любопытство раздражало её, а привычка некоторых жильцов обсуждать чужие дела казалась бестактной.

Исключением постепенно стала Зинаида Игнатьевна, пожилая соседка с нижнего этажа. Она жила с мужем, которого по-домашнему называла своим «дедом». Василий Андреевич редко становился предметом разговоров Марины с его супругой. Женщины сблизились не благодаря общим делам и не по причине давней привязанности. Просто однажды разговорились и обнаружили, что способны провести вместе вечер без взаимного раздражения.

За столом они держались по-разному. Зинаида Игнатьевна охотно рассказывала о дочери и муже, тогда как Марина отвечала преимущественно на прямые вопросы. Она не видела смысла посвящать соседку в дела агентства, да и о своих переживаниях говорить не привыкла. Смерть Игоря научила её особенно тщательно выбирать слова, когда разговор касался семьи. Пенсионерка этого молчания не нарушала. Иногда их чаепитие складывалось из простых бытовых замечаний, но Марина ценила именно такую возможность провести вечер, не принимая решений и не объясняя, отчего устала. Они не стали близкими подругами, однако привычка к присутствию другого человека постепенно притупила настороженность хозяйки квартиры.

Зинаида Игнатьевна не стремилась узнать о Марине больше, чем та хотела рассказать. Их чаепития обходились без расспросов о заработках, поклонниках и поездках. Пожилая соседка охотно говорила о самых простых делах, а Марине нравилось хотя бы ненадолго не быть руководителем, от которого все ждут решений. Она не называла эти встречи дружбой и никогда не задумывалась, что соседка может воспринимать их иначе. Позднее именно это различие окажется болезненным: одна женщина будет помнить доверие, другая — прежде всего расписку.

Марина знала, что Евгения, ровесница Марины, приезжает к родителям примерно раз в три месяца, и относилась к этому как к обстоятельству чужой семейной жизни, не заслуживающему особенного внимания. Зинаида Игнатьевна упоминала поездки дочери без жалоб, хотя расставаться после коротких встреч пожилым людям было нелегко. Василия Андреевича соседка называла своим «дедом» с такой домашней естественностью, что Марина однажды улыбнулась. В собственной квартире у неё не было человека, которому можно было бы дать подобное ласковое прозвище. Она считала эту пустоту платой за независимость и почти всегда уверяла себя, что плата невелика.

Зинаида Игнатьевна не была женщиной, которая всем подряд рассказывала о семейных обстоятельствах. Марина ценила в ней именно сдержанность. Она полагала, что соседка не станет пересказывать услышанное во дворе, и потому иногда пускала её к себе. За чаем они обсуждали повседневные дела, знакомые каждой хозяйке мелочи и новости, не требующие особой откровенности. Для Марины такое общение было удобным: можно было поговорить и затем без объяснений вернуться к собственной жизни.

Нельзя сказать, что пенсионерка особенно нравилась хозяйке квартиры. В манере Зинаиды Игнатьевны порой чувствовалась осторожность, которая Марине представлялась излишней. Та не привыкла требовать внимания и не стремилась спорить. Марина же легко занимала в любом разговоре главенствующее положение. Однако вечера проходили мирно. Женщины привыкли друг к другу, и спустя некоторое время соседские чаепития стали повторяться без специальных приглашений.

Так продолжалось больше года. За это время Марина не раз рассказывала о работе, хотя наиболее важные вопросы предпочитала оставлять при себе. Зинаида Игнатьевна выслушивала

её, не торопясь давать советы. Пенсионерка редко говорила о собственных трудностях. Возможно, именно поэтому Марина долго воспринимала соседку как человека, у которого жизнь идёт спокойно, без серьёзных потрясений. За этой внешней размеренностью она не пыталась разглядеть ничего другого.

Марина нередко делила людей на тех, кто умеет справляться с обстоятельствами, и тех, кто позволяет обстоятельствам взять верх. Она относилась к первым и считала такую оценку объективной. Соседка же представлялась ей доброй, но непрактичной женщиной, привыкшей жить небольшими средствами. До поры подобное различие ничему не мешало. У каждой были свои заботы, и они не зависели друг от друга.

Перемена произошла тогда, когда в семье Зинаиды Игнатьевны возникла тяжёлая необходимость. Её дочери потребовалась срочная дорогостоящая операция. Для пожилых родителей это означало не только страх за здоровье Евгении, но и расходы, с которыми они не могли справиться привычными средствами. Все сделанные за годы накопления пришлось направить на лечение. Когда стало ясно, что денег всё равно не хватает, Зинаида Игнатьевна оказалась перед выбором, которого прежде старалась избегать: обратиться за помощью к другому человеку.

Она остановилась на Марине. После года с лишним спокойного общения пенсионерка, вероятно, рассчитывала хотя бы на понимание. Марина была обеспечена, владела собственным делом и могла располагать суммой, значительной для семьи пенсионеров. При этом Зинаида Игнатьевна собиралась просить не подарок, а заём и заранее понимала, что полученные деньги придётся вернуть. Она ещё не знала, что обычная долговая расписка вскоре окажется важнее для соседки, чем всё, что прежде связывало их за чашкой чая.

ГЛАВА 4 — ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ

Просьба Зинаиды Игнатьевны касалась пятидесяти тысяч рублей. Её дочь нуждалась в срочной операции, а семейных накоплений не хватало, чтобы покрыть все расходы. Пенсионерка пришла к Марине не за сочувственными словами. Ей нужны были конкретные деньги, которые она намеревалась вернуть, как только появится возможность. Для человека, не привыкшего просить, уже само обращение к соседке было нелёгким шагом.

Марина выслушала её и согласилась дать необходимую сумму. У неё имелись деньги, и она не видела причины отказывать в займе человеку, которого знала больше года. Но помогать без надлежащего оформления не собиралась. Марина предложила составить расписку с указанием срока возврата. В этом она не находила ничего обидного: деловые обязательства должны быть понятны обеим сторонам, независимо от личных отношений.

Когда прозвучала сумма, Марина не удивилась: пятьдесят тысяч не были для неё неподъёмными деньгами. Гораздо серьёзнее она относилась к самому обещанию вернуть чужое в срок. В её представлении любая договорённость имела смысл лишь тогда, когда её исполняли без напоминаний, независимо от обстоятельств. Зинаида Игнатьевна, напротив, думала прежде всего об операции Евгении. Сумма, которую нужно было найти, перестала быть отвлечённым числом: за ней стояла возможность вовремя продолжить лечение. Они смотрели друг на друга через один и тот же стол, но каждая слышала в разговоре прежде всего то, что касалось её собственной тревоги.

Для Зинаиды Игнатьевны просьба была мучительной уже потому, что ей пришлось назвать сумму вслух. Пятьдесят тысяч представлялись огромными деньгами при двух пенсиях, особенно теперь, когда расходы на лечение дочери шли один за другим. Она надеялась, что обстоятельства позволят рассчитаться в назначенный срок, и не собиралась перекладывать долг на кого-либо ещё. Марина же слушала её так, как привыкла слушать посетителей агентства: отделяла сумму от объяснений, срок от надежд, обязательство от сочувствия. Обе верили, что понимают друг друга, хотя говорили словно на разных языках.

Марина потребовала расписку не потому, что заранее считала соседку обманщицей. Она привыкла отделять личное знакомство от денежных обязательств и видела в письменном подтверждении нормальный порядок. Зинаида Игнатьевна согласилась сразу; спорить было не о чем, ведь деньги она действительно собиралась вернуть. Тогда ни одна из них не предполагала, что именно эта бумага вскоре станет важнее прежних встреч и разговоров. Марина запомнила день займа как обычный эпизод, после которого вопрос можно считать решённым до обозначенного срока. Для пенсионерки это был день облегчения, слишком короткого на фоне тревоги за дочь.

Зинаида Игнатьевна написала расписку. Она понимала, что берёт на себя обязательство, и не возражала против установленных условий. Для неё важнее всего было вовремя помочь Евгении. В тот момент пожилая женщина надеялась, что самое тяжёлое вскоре останется позади, дочь перенесёт операцию, восстановится, а необходимую сумму удастся постепенно собрать. Прежде всего ей хотелось избавить семью от беды, перед которой деньги казались единственным доступным средством защиты.

Марина, передавая заём, не воспринимала происходящее как необычайное событие. В её понимании всё было просто: соседка попросила определённую сумму, она согласилась и получила письменное подтверждение долга. У каждой стороны имелись обязанности, а срок возврата был известен заранее. После этого вопрос некоторое время не требовал внимания. У Марины оставалось достаточно собственных дел, чтобы не возвращаться к нему ежедневно.

Но лечение Евгении не закончилось одной операцией. Деньги продолжали уходить на восстановление и реабилитацию. Одновременно в семье появилась другая тревога: Василий

Андреевич, тяжело переживая за дочь, трижды попадал в больницу. Причинами становились серьёзные сердечные приступы и гипертонические кризы. Зинаида Игнатьевна оказалась между необходимостью заботиться о дочери, беспокойством за мужа и обязательством, которое не исчезало оттого, что семейные обстоятельства осложнились.

Наступил срок возврата долга. Всей суммы у пенсионерки не оказалось. Она не отрицала своей обязанности и не пыталась скрыться от Марины. Напротив, несколько раз приходила объяснить положение и попросить отсрочку на полгода. Зинаида Игнатьевна предлагала возвращать деньги из двух пенсий — своей и мужа, постепенно, по мере возможности. При всей тяжести обстоятельств она рассчитывала выполнить обещание, пусть и позднее установленной даты.

Марина не согласилась. Ей казалось, что просьба об отсрочке обесценивает договорённость, которая была ясной с самого начала. Она не захотела брать деньги частями и отказалась от рассрочки. Для неё существовало принципиальное различие между сочувствием к человеку и обязательством вернуть заём. Первое не должно было, по её убеждению, изменять второе. Если срок определён, значит, его необходимо соблюдать.

Зинаида Игнатьевна пыталась объяснить, почему не может собрать всю сумму сразу. Но её доводы не действовали. Марина слышала о расходах на лечение, знала о больницах, куда попадал Василий Андреевич, и всё же считала это обстоятельствами семьи должников. Она была уверена, что не обязана расплачиваться за их трудности. В собственном представлении Марина оставалась человеком, который однажды помог, а теперь справедливо требует своё.

Так возникла трещина в отношениях, прежде казавшихся безобидными. Чаепития прекратились. Между женщинами теперь стояли пятьдесят тысяч рублей и две совершенно разные оценки одного обязательства. Зинаида Игнатьевна видела отсрочку как единственную возможность вернуть долг, не оставляя близких без необходимых средств. Марина воспринимала её как нарушение данного слова. Ни одна из них пока не предполагала, каким тяжёлым окажется продолжение этого спора.

ГЛАВА 5 — РАСПИСКА

После истечения срока возврата Марина стала всё настойчивее напоминать о долге. Телефонные звонки повторялись, и каждый разговор сводился к одному: когда будут возвращены пятьдесят тысяч рублей. Она не собиралась обсуждать семейное положение Зинаиды Игнатьевны заново. Все объяснения были уже услышаны и признаны недостаточными. Теперь хозяйка агентства недвижимости ожидала денег, а любое промедление воспринимала как попытку воспользоваться её доверием.

Зинаида Игнатьевна не могла выполнить требование. Лечение и реабилитация дочери продолжали требовать расходов; муж нездоровился, и тревоги за него не прекращались. Пенсия не отказывалась от долга и не отрицала расписку. Она по-прежнему надеялась на возможность рассчитаться из пенсий, если ей дадут время. Но Марина от такого порядка отказалась, а значит, каждое новое напоминание лишь подчёркивало невозможность немедленно изменить положение.

Отказ от рассрочки удивил Зинаиду Игнатьевну больше, чем первые резкие напоминания. Она предлагала понятный способ погасить долг из двух пенсий, не снимая с себя обязательства и не прося простить ни рубля. Марина же воспринимала такой порядок как попытку заменить заключённую договорённость новой, выгодной только должнице. Предложение казалось ей посягательством на право распоряжаться собственными деньгами. Оттого разговоры завершались одинаково: пенсионерка говорила о возможности платить частями, соседка настаивала на всей сумме сразу. Обе хорошо помнили условия займа, но только одна могла позволить себе не учитывать чужую беду.

Марина отлично помнила, что сама согласилась помочь. От этого её раздражение только усиливалось. Ей казалось несправедливым, что теперь именно она должна учитывать болезнь чужой дочери, возраст пенсионеров и их затруднения. Зинаида Игнатьевна, напротив, не спорила с правом соседки получить деньги. Она просила лишь разрешить отдавать долг постепенно, из своей пенсии и пенсии мужа. В этом и заключался тупик: одна предлагала единственный посильный ей способ расчёта, другая отказывалась считать его исполнением обещания.

Зинаида Игнатьевна стала опасаться не только звонков. Встреча на лестнице, разговор при открытой двери, случайный выход во двор — всё могло обернуться очередным напоминанием о расписке. Она не отказывалась от долга, но постепенно лишилась возможности спокойно объяснять свою ситуацию. Марина замечала, что соседка избегает её, и видела в этом подтверждение собственной правоты. Ей не приходило в голову, что человек может прятаться не от обязанности, а от унижения. Так одно и то же поведение получало в их глазах противоположный смысл, оставляя всё меньше места для обычного человеческого разговора.

Прежняя соседская близость исчезла почти незаметно. Зинаида Игнатьевна перестала приходить на чай, всё реже попадалась Марине на глаза. Вскоре она начала обходить её стороной. Дело было не в намерении скрыться от обязательства. Пенсионерка боялась очередной встречи, во время которой ей снова придётся оправдываться за чужую болезнь и за отсутствие денег. Особенно тяжело было сознавать, что ещё недавно эти разговоры велись между ними спокойно и доброжелательно.

Марина заметила, что соседка её избегает, и истолковала это по-своему. Ей казалось, что Зинаида Игнатьевна рассчитывает переждать неприятный период и заставить кредитора смириться с потерей денег. Такая мысль злила Марину гораздо сильнее самого ожидания. Она была уверена: если ослабить требования, должница непременно отодвинет расчёт ещё дальше. Уступка теперь представлялась не проявлением разумного участия, а слабостью, которую обязательно используют.

Марина хорошо знала, что дочь Зинаиды Игнатьевны живёт в другом городе, а Василий Андреевич часто оказывается в больнице. Она понимала также, что сама пенсионерка не любит публично обсуждать семейные неприятности. Именно поэтому настойчивость кредитора становилась для неё всё болезненнее. Пожилая женщина не имела возможности каждый раз призывать кого-то на помощь или защищаться перед соседями. Марина пользовалась этим преимуществом, почти не задумываясь о том, какое чувство беспомощности вызывает у человека постоянное давление.

Каждый день делал их прежние отношения всё менее восстановимыми. Для Марины долг становился вопросом принципа, а для Зинаиды Игнатьевны — источником непрерывного страха. Обе помнили о расписке, но думали о ней по-разному. Марина видела в документе доказательство своей правоты. Пенсионерка — обещание, которое хотела исполнить, однако не могла исполнить в установленный день. Между этими позициями оставалась возможность договориться, но ни одного шага навстречу со стороны кредитора не последовало.

Марина привыкла считать себя человеком справедливым, поскольку одинаково строго относилась к собственным обязательствам и к чужим. В её рассуждениях всё выглядело логично: деньги были заработаны трудом, соседка взяла их добровольно, срок возврата указан письменно. Но самоуверенность не позволяла ей заметить, что настойчивость уже перестала быть обычным требованием долга. Разговаривая с пенсионеркой, она всё чаще хотела не только получить деньги, но и заставить ту признать свою зависимость от её решения.

Зинаида Игнатьевна продолжала жить заботами о родных. Она почти перестала общаться с Мариной, хотя они находились в одном доме и между их квартирами был лишь этаж. Близость дверей теперь только усиливала напряжение. Обычный выход на улицу мог обернуться неприятным объяснением. Пенсионерка не знала, когда кредитор решит снова заговорить о деньгах, и всё меньше чувствовала себя спокойно там, где прежде прожила немало лет.

Однажды избежать встречи не удалось. Женщины столкнулись во дворе. Марина уже давно носила в себе раздражение и не собиралась ограничиваться коротким напоминанием. Зинаида Игнатьевна, напротив, не ждала от разговора ничего хорошего. Она знала, что обещание вернуть долг остаётся в силе, и понимала, насколько безнадёжно прозвучат очередные просьбы дать время. Тот разговор, который вскоре произошёл у всех на виду, стал следующим шагом к беде, хотя началось всё с простой расписки на пятьдесят тысяч рублей.

ГЛАВА 6 — КОЛЬЦО НА ЛАДОНИ

Во дворе Марина неожиданно столкнулась с Зинаидой Игнатьевной. Она привыкла проходить мимо скамейки у подъезда, не задерживаясь и не обращая внимания на знакомые лица. Однако, заметив Зинаиду Игнатьевну, сразу вспомнила и о долге, и о нескольких неудачных попытках добиться определённого ответа. Пенсионерка тоже увидела её, но сделать вид, будто они незнакомы, уже не могла. Марина подошла первой и заговорила достаточно громко, чтобы та поняла: ещё одной отсрочки не будет.

Зинаида Игнатьевна не стала спорить о самом долге. Она снова объяснила, что деньги ей нужны были для дочери, что лечение и восстановление продолжаются, а Василий Андреевич слишком часто оказывается в больнице. У двух пенсионеров не было возможности собрать всю сумму сразу. Марина знала это и раньше, поэтому слушала с раздражением. Её вывод оставался прежним: обещание дано, срок прошёл, следовательно, деньги надо вернуть. Она не желала принимать обстоятельства, которые меняли бы условия расписки.

Разговор довольно быстро перестал походить на обычное выяснение отношений между должником и кредитором. Марина повысила голос и пригрозила опозорить соседку на весь город. Пожилая женщина стояла перед ней, сдерживая обиду. В другое время она, вероятно, ушла бы, чтобы не отвечать на крик, но теперь всё происходило во дворе, где в любую минуту могли появиться знакомые. Особенно тяжёлой была сама беспомощность: Зинаида Игнатьевна не отрицала своей обязанности и всё-таки не могла заставить Марину услышать её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.